

Мы переехали на постоянное место жительства в Германию. Каждый из нас владеет в той или иной мере русским литературным языком и стремится выучить в новой житейской ситуации немецкий, усвоить как можно больше новых слов, может быть, вспомнить когда-то изученное. Человека, прожившего в Германии несколько лет, очень легко узнать по тому, какую лексику он использует в повседневной речи. Мы не говорим о тех ляпсухах, которые допускают люди, недавно начавшие обучаться немецкому языку. Так дружным хохотом на языковых курсах была встречена фраза «Ихь бин хунд, ихь хабэ хвост» – так незадачливый курсант пытался составить рассказ по картинке.

Нет, мы имеем в виду тех, кто в определённой степени владеет немецким языком, уже не первый год живёт в Германии и успел испытать на себе все новшества, вошедшие в жизнь (пользование банковским счётом, покупка проездных билетов в автомате, составление деловых бумаг, оформление различного рода договоров, заказ товаров и пр.). Так знакомый, встреченный в первые дни нашего пребывания в чужой стране, заявил, что спешит анмельдоваться (регистрироваться) в арбайтсамт (биржа труда), ему нужно сегодня получить бешайд (решение), чтобы в бюргерамте (районная администрация) оформить бефрайунг (освобождение от платы) за пользование телевизионными каналами. Представитель страховой компании, пришедший к нам заключать договор, долго говорил о том, как опасен унфаль (несчастный случай), и назначал встречу на банхофе (вокзале). В первые же ме-

сяцы нашей жизни в новой стране друзья, уже год жившие в Германии, предупреждали, что наши дипломы не будут иметь анэркенунга (подтверждение), что мне прямая дорога – пуцать (работать уборщицей), что в выходные дни удобно ездить по вохенэндтикету (билет выходного дня) и нужно, как можно быстрее получать права в немецкой фаршуле (школе вождения). Мы тогда вообще мало что понимали в их речи. Мои познания в немецком до языковых курсов ограничивались такими конструкциями и словами, как «Гитлер капут!», «Хенде хох!», «Гутен таг» и «Ауфвидерзеен».

Конечно, в Германии мы столкнулись с явлениями, которые трудно назвать привычной нам лексикой. Если я скажу, что еду на биржу труда, мало кто поймет, что путь мой лежит в **арбайтсамт** – у этих двух названий разный смысл. В этом случае употребление слов **социаламт** (служба социального обеспечения), **арбайтсамт** (биржа труда), **бюргерамт** (управление по делам граждан), **шулеамт** (ведомство по делам школ), **орднунгсамт** (ведомство по обеспечению общественного порядка и безопасности) вполне уместно и допустимо, хотя, может быть, наша речь звучит немного странно. Все быстро привыкли и к слову **терми'н** – его выговорить легче, чем использовать конструкции «в назначенное время» или «мне назначили»... **Банхоф** (вокзал) используют как русское слово мужского рода и ничтоже сумняшеся склоняют его, режутся по всем падежам. А **анмельдоваться**? Ведь к этому немецкому корню просто прибавлены русские суффиксы и возвратная частица. В газете «Русская Германия» в одной из статей, посвящённых проблемам нашего общения, был приведён пример такого «гибридного» глагола (на наш взгляд, просто изумительного!): **прихёриваться**. Вы не поняли, о чём идёт речь? Нет, нет, здесь нет ничего неприличного. Это **прислушиваться** – от немецкого глагола **hören**.

Но есть и обратный процесс: к русским элементам прибавляются немецкие. Почти легендарной в Лейпциге стала фраза одной из женщин: «Ихь хабэ хойтэ ганцен таг посуду гемыла» (я сегодня целый день посуду мыла).

Подобная речевая ситуация напоминает анекдот про экзамен по немецкому языку.

Экзаменатор: – Переведите на немецкий язык: «Лягушка прыгает по болоту».

Студент: – Айн момент! Дер лягушка по дер болоту дер шлѐп, дер шлѐп, дер шлѐп...

Мне могут возразить: **Bahnhof** в Лейпциге слишком красив, необычен, комфортабелен... Как не похож этот многоэтажный современный торговый центр, в котором функционирует около 150 магазинов, и огромный транспортный узел на вокзалы городов, городков и районных центров, часто отнюдь не поражающие взгляд, откуда мы родом... Но тем не менее, это – **вокзал!** И живѐм мы в **Саксонии**, а не в Заксен, в **Галле**, а не в Халле, в **Хемнице**, а не в Кемнитце, в **Лейпциге**, а не в Ляйпциге. И памятник на площади поставлен **Генриху Гейне**, а не Хайнриху Хайне, улица названа в честь Готфрида Вильгельма **Лейбница**, а не Ляйбница. Поймите правильно: я вовсе не призываю говорить об Однокамушкине, имея в виду великого **Эйнштейна!** Немецко-русские языковые связи существуют достаточно долго, чтобы иметь уже установившиеся написания слов различных областей лексики, личных имѐн и географических наименований.

К русскому языку в семьях переселенцев относятся по-разному: 1) русская устная и письменная речь остаѐтся основной в семье; немецкая речь используется при необходимости; 2) русская устная и письменная речь отодвигается на второй план, но в процессе коммуникации в зависимости от личности собеседника используется наряду с немецкой;

3) русская устная и письменная речь вычёркивается из обихода вообще; торжествует кредо: «Мы не затем приехали в Германию, чтобы говорить по-русски».

Переехав в Германию, многие переселенцы начинают заниматься литературным творчеством: пишут стихи, рассказы и даже романы.

Несколько лет я была редактором и корректором русскоязычного журнала «Антенна», выходявшего в Лейпциге (было выпущено примерно 80 номеров), работала в русскоязычном обществе «Радуга», была знакома с людьми, воплотившими свою мечту и опубликовавшими в Германии за свой счёт одну или несколько книг, сейчас являюсь корректором литературного сборника поэзии и прозы «Вдохновение», издаваемого в Саксонии. Кроме присылаемых статей, стихов и рассказов, читала книги «Русские в городе», «На мир смотрю как прежде юными глазами», сборники рассказов, повестей, стихов и прозы таких авторов, как Альфред Геер, Александра Головачева, Лилия Ильг, Алла Кветная, Григорий Крошин, Ханна Ляйнвебер, Яков Нудель, Яков Рабинович, Александр Субботников, Катя Чудакова, Леонид Шнейдеров и др.

Языковая личность литераторов Германии, пишущих на русском языке, представляет собой картину сложную, противоречивую и неоднородную. Некоторым произведениям свойственны те же черты, что и разговорной речи: употребление слов немецкого языка в основной или трансформированной, искаженной форме, с использованием латинской графики или кириллицы. В основном в текстах используются лексика, фразеология, синтаксические конструкции современного русского языка. Многие авторы-переселенцы в своём творчестве практически не выходят за грани литературного языка. Но нужно заметить, что расширяются границы использования ресурсов лексики и фразеологии, происходит интеграция

литературной и нелитературной лексики, в художественную речь активно включаются элементы, свойственные разговорной речи, формируется так называемый общий сленг (термин Л.П. Крысина).

Стремление к самовыражению в эмоционально-интеллектуальном и социально-коммуникативном плане является мощной движущей силой, сильнейшей мотивацией для языковой личности. К сожалению, возможность индивидуального издания собственных сочинений открыла дорогу к читателю большому количеству печатной продукции, которая не может представлять интереса для человека, любящего литературу.

Вот уже 10 лет существует наше «Вдохновение» – сборник поэзии и прозы, включающий произведения как маститых, так и начинающих авторов. Его география обширна: Германия, США, Австралия, Россия, Израиль, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Украина, Приднестровье, Белоруссия...

Мы радуем, прежде всего, за сохранение русского языка в семьях людей, живущих сейчас в другой стране, за чистоту его, сохранение родниковой свежести родного слова, стремимся к тому, чтобы наши читатели слышали голоса людей, изъясняющихся литературным языком. Это особенно важно для тех, кто живёт за пределами России.